

18+ Елена Клементьева

Только двое

Проза

Елена Клементьева
Только двое. Проза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54974992

ISBN 9785449874801

Аннотация

Сборник прозы. В него вошли три новеллы: «Только двое», «История Стаса, или Разговор с незнакомкой» и «Он и Она». Приятного чтения.

Содержание

Только двое	6
– 1 —	7
– 2 —	12
– 3 —	14
– 4 —	18
– 5 —	20
– 6 —	24
– 7 —	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Только двое

Проза

Елена Клементьева

© Елена Клементьева, 2020

ISBN 978-5-4498-7480-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*«И небо к нам летит в огнях и ранах – тяжелое, широкое, ночное,
а посреди большого океана нас только двое». Аль Квотион.
«Слово, которого нет»*

«Ношу, поделенную на двоих, нести в два раза легче...»
Сердечная привязанность (Dil Ka Rishta)

«Мир двоих настолько безграничен, что не нуждается ни в какой третьей составляющей. А счастье заключается просто в том, чтобы быть рядом». Олег Рой. «Паутина ЛЖИ»

«Они нашли друг друга – два одиночества, отвергнутые всем миром». Джонатан Тригелл. «Мальчик А»

Только двое

*История – плод фантазии автора. Не стоит
искать совпадений с реальными людьми и местами*

*Я и ты, нас только двое?
О, какой самообман.
С нами стены, бра, обои,
Ночь, шампанское, диван.*

*С нами тишина в квартире
И за окнами капель,
С нами всё, что в этом мире
Опустилось на постель.
Мы – лишь точки мирозданья,
Чья-то тонкая резьба,
Наш расцвет и угасанье
Называется – судьба.*

*Мы в лицо друг другу дышим,
Бьют часы в полночный час,
А над нами кто-то свыше
Всё давно решил за нас.*

Валентин Гафт

Города, города, города... Она не знала, закончится ли когда-нибудь эта вереница городов. Она читала, пела... Творческие вечера, банкеты, встречи, селфи с незнакомыми людьми. Везде нужно улыбаться и выглядеть счастливой. Он следовал за ней тенью. Устраивал уют в номере гостиницы, а в каждой из них они проводили одну, редко две, ночи; потом очередной переезд. Он бегал по магазинам, покупал сувениры для знакомых и не очень... Следил, чтобы она ни в чём не нуждалась, чтобы она спала, вовремя ела и просто отдыхала.

Сегодня был особенно тяжёлый день. Зал был забит до отказа. Задавали много вопросов. Несколько раз вызывали на «бис». Затем была двухчасовая пресс-конференция и банкет, который длился бесконечно долго. Она не знала, в котором часу ночи попала в гостиничный номер. Он не спал. Сидел за столом. Стол был сервирован ужином.

— Зачем ужин? Ты же знаешь, что был банкет. Тебе надо было пойти со мной.

— Ты же знаешь, что я всё это не люблю. А на этих банкетах тебе всё равно не дают поесть.

— Ты прав. Завтра будет выходной. Мы останемся здесь до вечера, а потом поедem дальше.

— Значит, завтра собирать чемоданы, хотя уже сегодня.

Пока выспишься, пока соберёшься, уже и ехать пора. Тебе не надоело это всё?

– А что делать?

– Ну да, закон рынка: пока платят – надо брать.

– На банкете действительно особо не поешь, к тому же всё было холодное.

– Здесь тоже уже всё холодное, – он посмотрел на часы, – и кухня уже не работает.

Они ещё о чём-то болтали. Вроде и ни о чём. У них всегда было так: слово за слово, фраза за фразой и бесконечные разговоры. Они никогда не могли наговориться. А о чём они говорили? Вроде и ни о чём, но в тоже время об очень многом.

Они легли спать, когда за окном начал пробиваться рассвет. Завтра никаких выступлений, а вечером поезд, и они проведут ночь под перестук колёс. «Надеюсь, что администратор догадалась взять СВ», – подумала она, хотя, по большому счёту, ей было всё равно как ехать, главное, чтобы он был рядом. Он был для неё воздухом и водой, и самой жизнью. Она не представляла жизни без него.

Утром был завтрак. Правда, по времени это уже был обед, но, как говорится, когда проснулся, тогда и утро и, соответственно, завтрак. Затем была прогулка по городу. Город показался ей серым. Может из-за того, что погода была пасмурной, или так сказывалась усталость. С некоторых пор все города ей стали казаться одинаковыми: гостиницы, ДК, по-

строенные ещё при советской власти, но зато везде были златоглавые храмы, «дворцы» спорта и блестящие торговые центры, построенные при капитализме. Всё это выглядело так, как будто вокруг умирающего, бьющегося в предсмертной агонии, горят гирлянды, звучит весёлая музыка, гимнасты крутят сальто с неизменной улыбкой на устах и все свято уверены, что, если поставить свечку в храме в «правильное» место и прочесть молитву «правильному» святому, то умирающий мгновенно выздоровеет и побежит в новенький «дворец» спорта крутить сальто вместе с гимнастами... И никто даже не думает, что тяжелобольному нужен врач и лекарства. Она никогда ничего не имела против религии, она всегда была за здравый смысл и развитие. Но она давно уже не видела вокруг здравого смысла, а о развитии можно было только мечтать. Когда-нибудь люди поймут, они дорастут и поймут, что так жить нельзя, что это тупик, деградация и смерть. Закрыться в сарае и доить корову, не давая ей корма – это очень глупо. Сначала сдохнет корова, а потом тот, кто её доит. Или корова вырвется на свободу из сарая, причинив своему мучителю дискомфорт, возможно с летальным исходом. Так всегда: либо ты, либо тебя.

– О чём ты думаешь? – спросил он.

– Так, ни о чём, глупости в голову лезут.

– Надо возвращаться в гостиницу, собираться. Ты поспи, а я соберу вещи.

– А что я буду делать ночью, если сейчас выплусь?

Он хитро прищурился:

– Ночью и посмотрим.

За три часа до поезда в номер постучали. Это была администратор. Увидев чемоданы возле двери, она пропищала:

– Вы уже собрались? У вас СВ, – а потом добавила, – других мест не оказалось, – и исчезла.

– Ну и как я могу доверить тебя вот этому? – спросил он.

– Просто она слишком молода.

– Ты всегда всех оправдываешь. Этот ведёт себя так, потому что..., а этот – потому что...

– А как надо?

– Я знаю только, что свинья ведёт себя как свинья, потому что она свинья по рождению. Без всяких «потому что». Даже если она закончила Гарвард и имеет учёную степень.

– Перестань. Причём тут свиньи, мы же о людях говорим.

– С людьми также. Ты слишком наивна и доверчива.

– Поэтому ты со мной.

– У меня нет другого выхода. Я не могу оставить тебя одну – пропадёшь.

– А ты меня найдёшь.

– Я тебя не потеряю. Буду всегда рядом и буду везде водить тебя за ручку.

Через три часа они сидели в вагоне СВ. Поезд должен был вот-вот тронуться. Она листала томик стихов Блока, а в чемодане лежали сказки Салтыкова-Щедрина. Она, сама не зная зачем, на днях попросила купить ей сказки Салты-

кова-Щедрина, он удивился, но купил. Он ничего не читал: смотрел в окно, хотя было уже темно и ничего не было видно, кроме собственного отражения и чистил мандарины. Поезд тронулся.

– Ну, тронулись, – сказал он.

Она засмеялась.

Утром был следующий город, и всё повторилось вновь. Она подумала, что ещё месяц, и она будет свободна, она будет дома. Зачем было соглашаться на это трёхмесячное турне по необъятной родине? Родина действительно была необъятной. Они колесили уже два месяца, но родина не заканчивалась, а всё продолжалась и продолжалась, длилась чередой-вереницей железнодорожных вокзалов, гостиниц, ДК, как жемчужное ожерелье на нитке. Ниткой были железнодорожные пути, а жемчужинами города. Люди были добрыми, приветливыми без столичного снобизма и приторности, и ей это нравилось. Они были настоящими, живыми, находчивыми.

— Когда вернёмся домой, давай заведём кота или кошку, если хочешь, — сказала она ему.

— Давай. Только тогда мы не сможем никуда уехать или придётся таскать её с собой, а это дополнительные хлопоты.

— Я не хочу больше никуда ехать. Мне кажется, что я уже видела всё. Ничего нового я уже не увижу.

— Если так, то конечно. Можно завести ещё мышку, птичку и рыбку.

— Ой, нет, только не рыбку!

— Почему?! Она будет смотреть на тебя сквозь стекло аквариума выпученными глазами и открывать рот, вот так, —

он скорчил гримасу, изображающую рыбу.

– Так смотрит директор на главного бухгалтера, когда тот говорит ему какую сумму налогов нужно перечислить в бюджет, – ответила она. Он засмеялся.

Выступления всегда заканчивались общением со зрителями. Она отвечала на вопросы. Длилось это по-разному: иногда вопросов было мало и можно было уложиться в десять-двадцать минут; но иногда такое общение растягивалось на полтора-два часа. Она сама до конца не понимала: нравится ли ей это или нет. Иногда думала о том, что стоит прекратить отвечать на записки из зала, но формат творческого вечера подразумевает также и такое общение со зрителем. Хотя строгого регламента выступления у неё не было. Юридически это не фиксировалось, и получалось, что это только её выбор. Конечно, отвечать в 100500 раз на одни и те же вопросы очень тяжело и начинаешь чувствовать себя роботом. В этой ситуации она иногда думала о работе учителя в школе. Как они не устают из года в год повторять одно и то же? Это же с ума сойти можно! Рассказывать одно и то же годы напролёт – это невозможно, невыносимо! Наверное, она просто чего-то не понимает. Хорошо, если так. Но на её вечерах иногда попадались оригинальные вопросы, и она радовалась им, как ребёнок, и начинала с энтузиазмом отвечать на такой вопрос, рассуждать, рассказывать и порой её уносило не в ту сторону. Сегодня на вечере ей задали именно такой вопрос.

– Сегодня на вечере мне прислали записку с вопросом.

- Тебе их на каждом выступлении присылают пачками.
- Сегодня был оригинальный вопрос.
- Неужели? И что такого оригинального у тебя спросили?
- Вот если бы ты ходил на мои выступления ты бы знал.
- Уволь меня от этого, пожалуйста. У тебя замечательные

выступления, но я не могу смотреть одно и тоже более двух-трёх раз максимум. К тому же здесь я намного полезней, за занавесом, так сказать.

Он закурил. Он редко курил. Она так и не могла понять: относить его к курящим или нет. Бывало сигареты лежали дома месяцами, и он к ним не притрагивался, а иной раз курил практически каждый день. Иногда ему дарили что-то оригинальное с каким-нибудь необычным вкусом, он пробовал и потом начинал скупать разные марки «интересного курева» на пробу, как он говорил: «на дегустацию».

– Так что за вопрос тебе задали?

– Вопрос такой: чтобы вы делали, если бы оказались одна на необитаемом острове?

– Не могу понять, что тут оригинального? По-моему, самый обычный вопрос, «избитый», можно сказать.

– Мне таких вопросов никогда не задавали.

– И что же ты ответила?

– Мне интересно, что бы ты делал на необитаемом острове?

– Ясное дело, замутил бы тусу. Что там ещё делать?

– Ты что? С кем?! Остров же необитаемый.

– Когда я мучу тусу, это место сразу становится густонаселённым.

Она смотрела на него и не знала, что сказать. Но, в общем-то, он прав. Её всегда удивляла его способность находить общий язык с людьми и быть «любимчиком». Для неё это был «нож острый», это была её вечная боль что-то организовывать, договариваться, нравится тем, кому надо и рвать контакты с ненужными людьми. Она никогда не могла понять, как можно иметь такой обширный круг знакомств и поддерживать со всеми хорошие отношения. Она так и не научилась, хотя по молодости очень хотела. Но однажды она поняла, что ей это не нужно, потому что у неё есть он. Это его зона ответственности и влияния, к тому же его это не напрягало, в отличие от неё, в нём эта функция была автоматической, как говорится, опция включена в первоначальные настройки. У неё были свои настройки.

– Так что ты ответила, на такой «оригинальный вопрос»?

– Я сказала, что пошла бы гулять. Сначала вдоль берега, чтобы понять, где я нахожусь, потом пошла бы вглубь: ведь нужно найти воду и еду; в общем, занялась бы изучением острова.

– Защитила бы кандидатскую диссертацию, затем получила бы докторскую степень по знанию необитаемого острова, стала бы академиком местного университета, а профессорами были бы шимпанзе.

– Откуда в тебе сегодня столько сарказма?

- У меня его всегда одинаковое количество.
- Но ты не всегда его демонстрируешь.
- Ты не всегда обращаешь на него внимание.
- Наверное.
- Умная женщина знает, когда нужно промолчать.

Во сколько завтра отъезд?

- Я не знаю.
- Твоя администратор ничего мне не сказала.
- Скажет завтра с утра. Не поедет же она без нас.

Он улыбнулся:

- Пора спать. Знаешь, в этом городе нет ни одного сувенирного магазина.
- Теперь понятно откуда в тебе сегодня столько сарказма.

– Мне сегодня приснилось, как мы с тобой познакомились.

Он удивлённо поднял брови:

– Какой интересный сон. С чего тебе такое приснилось? Тебе снилось всё как тогда???

– А ты помнишь?

– Конечно. Ты сидела в углу. Народ веселился, бесился, бухал, плясал, а ты сидела в углу и улыбалась. Я подумал: какая интересная девушка, надо бы с ней поближе познакомиться. Ты на меня, конечно, внимания не обращала.

– Ничего себе. Как можно не обратить на тебя внимание? Ты был в центре всей этой вакханалии, что там творилась: стоял на стуле в окружении девчонок и орал тосты, перекрикивая разносившиеся вопли Кипелова: «я свободен!», и все смеялись.

– А ты смеялась?

– Нет. Я смотрела и думала: он нормальный или состоит на учёте?

Он засмеялся:

– Ну и как? Выяснила? Я нормальный или мне встать на учёт?

– Нормальный. Нормальнее всех нормальных, – она обняла его.

– Тебе во сне та вечеринка приснилась?

– Ну, да.

– А как ты там оказалась, кстати? Ты же с нами не училась.

– Знакомая притащила. Сказала, что там будет супермегакруто, и мы просто обязаны там быть. Я не смогла сопротивляться её напору и пришла. Подруга, правда, быстро куда-то испарилась: у неё была масса знакомых, а я никого там не знала, вот и сидела, наблюдала за происходящим.

– Ага, как юный натуралист за насекомыми. А это, – начал он говорить голосом Николая Дроздова, – homo sapiens studentus. Посмотрите внимательно, как они радуются окончанию сессии: они исполняют ритуал в виде радостных танцев. А эти горячительные напитки, которые они принимают, помогают самкам и самцам познакомиться поближе. Вот посмотрите, пожалуйста, вы видите? Они выпивают на брудершafft – это ещё один ритуал знакомства; после этого они обязательно должны поцеловаться. Вот! Видите?! Теперь они пошли танцевать! Исполнение танца неизменный атрибут знакомства. Возможно, мы сейчас с вами наблюдаем создание пары; возможно в будущем, мы сможем наблюдать за их потомством.

Она смеялась.

– Ты специально. Ты же знаешь, как я любила Дроздова и «В мире животных». Я выросла на этой передаче.

– Ты любишь животных и не любишь людей.

– Ты не прав. Просто животным помочь проще.

Она вспоминала, как познакомилась с ним. Он подошёл к ней на той вечеринке с бутылкой вина и двумя бокалами и предложил выпить. Она ответила, что у неё аллергия на виноград. Он ушёл. Через некоторое время вернулся с двумя бутылками и двумя стопками.

– На кактусы у тебя аллергии нет? – спросил он серьёзным тоном, садясь напротив неё и расставляя стеклянную тару.

– Не знаю, – ответила она растеряно.

– Сейчас проверим, – сказал он, протягивая ей стопку, – держи «лошадку».

Она удивлённо подняла брови.

– Эти стопки так называются – «лошадки». Видишь у них толстое дно, как копыта у лошади.

Она кивнула. Он продолжал:

– Будем пить «текила-бум». Здесь текила, а здесь тоник. Всё вместе называется «рапидо» или «текила-бум», – он стукнул «лошадкой» об стол. – Не пугайся, они не разобьются.

«Текилу-бум» они пили весь вечер, при этом он всё время что-то рассказывал. Он оказался интересным собеседником, а она, к стыду своему, почти всё время молчала – слушала его. Ей очень понравился его голос, понравились его интонации. У него оказалась очень интересная и редкая манера

шутить.

В разговорах время пролетело быстро, и народ начинал потихоньку расходиться и расползаться. Он проводил её домой до квартиры. В те давние времена ещё далеко не везде стояли домофоны, и люди не прятались за стальными дверями с сигнализацией. Причём он не спрашивал: «Можно я тебя провожу?» Он просто встал и сказал: «Пора домой, пошли». И они пошли.

Прошла неделя. Возвращаясь домой из института, она обнаружила его сидящим на лавочке возле подъезда.

– Что-то ты сегодня задержалась.

– Я была в библиотеке после занятий, – ответила она, но тут же спохватилась: «Зачем я перед ним объясняюсь? С какого собственно перепуга? И что значит „задержалась“? Неужели он следит за мной?» Видимо, у неё в тот момент был испуганный вид. Он очень внимательно посмотрел, а потом сказал:

– Я за тобой не слежу. Всю неделю я был сильно занят. Сегодня свободен. Телефона твоего я не знаю. Пришёл туда же, куда тебя проводил неделю назад. Позвонил. Открыла твоя мама и сказала, что ты до двух в институте, а время было без пятнадцати час. Я решил ждать тебя тут, тем более погода располагает. Сейчас уже четыре, поэтому я и сказал, что ты задержалась.

Она смотрела на него широко раскрытыми глазами и думала: «Кто ты?»

– Предлагаю погулять, – продолжал он. – Можно где-нибудь посидеть. Я соскучился. Хочешь, зайди сначала домой, я подожду.

Она с трудом выдавила из себя: «хорошо» и поднялась к себе в квартиру.

– К тебе приходил такой милый молодой человек, – с восторгом говорила мама, встречая её у дверей. – Такой вежливый, с приятным голосом. Кто это?

– Мне бы самой хотелось это знать, – ответила она.

– Я тебя не понимаю, – продолжала допрос мама.

– А я не понимаю себя.

– Не морочь мне голову. Просто скажи мне, кто он? Ты с ним встречаешься? Давно? У вас был секс? Я надеюсь, вы предохраняетесь? Ты же понимаешь, что тебе учиться ещё 3 года, и ни о каких детях речь идти не может. Вот получишь образова...

– Мама! – крикнула она. Теперь мама смотрела на неё широко открытыми глазами. – Мы познакомились неделю назад на вечеринке. И больше я его не видела до сегодняшнего дня. Он ждёт меня внизу, мы идём гулять.

– Это замечательно! – вдохновилась мама. – Надень то платье, что я тебе недавно купила.

– Но мама!..

– Я сказала: надень! Ты в нём такая красивая! Вот увидишь, он не устоит против такой красоты. Да, пора и тебе ухажёром обзавестись, а то мне уже перед подругами неудоб-

но. Все спрашивают, а мне и рассказать нечего. Сидишь дома со своими книжками, да по музеям ходишь. Кошмар! А тут такой красивый мальчик, намного лучше, чем у Иркиной дочки. У неё страшный какой-то, мне совсем не понравился, правда, я только фотографию видела...

– Мама!

– Всё, молчу. Красавица. Если что – позвони.

– Если «что»?

– Вдруг ночевать не придёшь, чтобы я не беспокоилась.

– Мама, перестань!

– А что такого?! Я не ханжа. Я не люблю, когда мне врут.

Лучше горькая правда, чем сладкая ложь.

Она захлопнула дверь квартиры и выдохнула.

Он ждал её внизу. Ему понравилось платье, она это заметила. «Может мама и права? Красивый мальчик», – подумала она.

Они гуляли допоздна. Вечером он проводил её домой. Потом они встретились через два дня, и с тех пор почти не расставались.

Тогда ей было девятнадцать. Сейчас – сорок три. И если бы ей кто-нибудь предложил вернуться назад и прожить жизнь заново, она бы снова прожила каждый миг своей жизни с ним.

Очередной город, очередное ДК, бесконечно повторяющиеся вопросы и ответы на них, автографы, селфи, фонтан. На улице темно, а фонтан светится. Фонари не горят, но фонтан светится и притягивает к себе.

*Вчера, лишь полдень, около шести («скоротечность времени», – подумала она)
Явились вы мне в сквере у фонтана.
Глаза я прятал, лишь не выдать рьяно
Томленья сердца... Ваша ль в том вина?*

*Вчера, лишь полдень... Знать бы наперёд
Какие сны мечтал я видеть в яви...
Кто мы такие: Ангелы иль Дряни?
Кто бы ответил прямо на духу...*

*Вечерний свет, фонтан подёрнут рябью,
И ветер струи гонит от себя...
Вы всё стоите, зонтик теребя,
А я мечтаю, что б ушли вы...
Зря.*

Стихи всегда рождались внезапно, в абсолютно не подходящее время и в совершенно диких ситуациях. Она судорожно полезла в сумочку, чтобы найти блокнот с ручкой или те-

лефон, чтобы записать, иначе всё выветрится, и она никогда уже не сможет вспомнить ни строчки.

Придя на квартиру (за неимением в городе гостиницы организаторы выделили съёмную квартиру), она показала ему.

– Ты пишешь от мужского лица.

– Так получилось.

– Старомодно написано. Не в тренде.

– Читай то, что в тренде.

– Ты же знаешь, что я этим не увлекаюсь... Лишь постольку, поскольку этим увлекаешься ты.

– Здесь есть фонтан, и он светится, представляешь?

– Я видел днём фонтан, но он не светился. А что необычного в фонтане с подсветкой? Вроде, это уже обыденность.

– Фонари не горят, а фонтан у них с подсветкой. Это обыденность для тебя – столичного жителя. А здесь ничего нет, зато фонтан с подсветкой.

– Я тебя не понимаю.

– Это всё равно, что питаться чёрствым хлебом, а ездить на «Ламборджини Диавло».

– Ты отстала от жизни – эта машина уже не в фаворе, так что такая ситуация вполне возможна, хотя это глупо.

– Вот именно.

– Почему тебя это волнует? Твоё дело выступать.

– Конечно. Каждый занят своим делом, и никто не видит, что творится вокруг. Каждый растит свой маленький садик, а что твориться за забором никого не волнует. А если твой

садик остался единственным? Последним? Больше никого нет. Всех поглотила тьма, но ты этого не заметил, потому что был занят своим делом.

– Успокойся. В одиночку ничего не сделаешь.

– Вот. И все думают также: «я один, я ничего не могу».

И таких «яодин» сотни тысяч и даже миллионы. Угнетаемых всегда больше, чем угнетателей, вспомни историю. Всё развивается по спирали... Я ужасно устала. И, кстати, мы уезжаем послезавтра.

Он удивлённо округлил глаза, взял её на руки и отнёс в спальню.

К своему удивлению, она вдруг обнаружила, что турне подходит к концу, оставалась всего неделя до конца, и в эту неделю должно было состояться два выступления. И всё. Она будет свободна. Она будет дома.

— Помнишь наш недавний разговор? — сказал он, вернувшись с утренней прогулки. Она ещё валялась в постели и совершенно не хотела вставать. О чём он вёл речь, она не понимала.

— Какой?

— Про угнетённых и угнетателей.

— А-а-а... ну... и что?

— Пошёл гулять. Ну, тут всё рядом. В общем, дошёл до вокзала. Смотрю, мужичок книжки какие-то на парапете раскладывает. Подхожу и спрашиваю: «Продаёте?» «Ну, если купите, то продаю. Только будешь ли ты читать?» А книги у него: Маркс, Энгельс, Ленин. Брошюры, книги и даже полное собрание сочинений какое-то, а может и не одно. Целую библиотеку притащил. Я ему говорю: «Может и читаю. Почему бы нет? А зачем продаёте?» «Да я бы ни за что, да сын у меня ремонт в квартире затеял, что от отца моего осталась... Отец-то мой ещё в прошлом году помер. Вот. Теперь для внука ремонт там делает. Он-то, дурень малолетний, жениться собрался, а у самого... эх! не умеет ничего.

Ой, да ладно. Ну вот, а библиотека эта деда моего. Он у меня партийным деятелем был, не абы каким, конечно, звёзд с неба не хватал, как сейчас говорят, но уважаемым человеком здесь был, все его знали. Вот и книги его. А сын пристал: „Куда хочешь девай, а тут они не нужны“. А сам-то я у дочки живу. Так им тоже не нужно, а выкидывать жалко. Вот думаю: пойду на вокзал, там народу много, может и разберут, да и денежка мне не лишняя, сам понимаешь, как живём. Вот». «Так вы бы их в библиотеку». «Да кто туда ходит! У них и так этого добра полно! Раньше во все библиотеки в обязательном порядке завозили. А книга, она внимание любит. Книгу читать надо. Не дураки писали. Может, кому и сгодиться для ума. Так чего ты? Брать-то будешь что?» Я смотрю, у него там небольшие книжечки лежат, и сверху на меня глядит «Государство и революция» В. И. Ленин. Интересно стало. Спрашиваю: «А эта сколько стоит?» «А сколько дашь, столько и стоит. Каждый сам для себя важность определяет. Хорошая книжка, почитай, Ленин ерунды не писал». Дал ему пятьсот рублей. И вот, – он показал ей старенькую книжечку.

– Боже, это же раритет. Как она у них сохранилась? Наверное, она стоит больше, чем пятьсот рублей? Как думаешь?

– Может быть, но у меня других денег с собой не было, только эта бумажка оказалась, так что мужику повезло, – он улыбнулся.

Она пролиставала несколько страниц: «Государство...

не представляет из себя силы извне навязанной обществу... Государство есть продукт общества на известной ступени развития... сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, всё более и более отчуждающая себя от него, есть государство». Она закрыла книгу и отдала ему.

– Решил политикой заняться?

– Ни в коем случае.

– В революционеры пойдёшь?

– Революционер без знания теории и исторических фактов – «пушечное мясо». Я «мясом» быть не хочу.

– Понятно. Будешь просвещаться.

– Так точно.

– А потом куда левая заведёт.

– Или правая. Любое решение – это ответственность.

И не решение тоже.

– Люди не любят ответственности.

– Не обобщай. Не стоит говорить за всех. Большинство.

Большинство не может взять ответственность даже за себя. Они бредут в тумане неизвестно куда и всё время на кого-то надеются. Зато они знают фразу «Я хочу». Это великое магическое заклинание: «яхочу». После произнесения этого заклинания все желания должны исполниться сами по себе. Они отказываются судить о мире и обществе. Они принимают мир как данность. «Не я его создал», – говорят они и пытаются приспособиться к непонятным требованиям лиц, которые создали этот мир. Ха, «не суди, да не судим будешь»...

Как тебе такой поворот? А если судить? Если человек дерьмо, почему я не могу его судить за это?

– Ты же знаешь, что это субъективный подход. Для тебя он дерьмо, а для другого...

– Клад с алмазами, ага.

– Можно подумать, ты сможешь сказать человеку в лицо, что он дерьмо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.